

Перевод		М.Лозинского	
ББК	84.4		Ит
Д 17			
Издательство	"Правда",	М.:	1982
OCR	Бычков		М.Н.

Содержание : на перепутье поэт попадает в загробный мир

1 Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.

4 Каков он был, о, как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозящий,
Чей давний ужас в памяти несу!

7 Так горек он, что смерть едва ль не слаще.
Но, благо в нем обретши навсегда,
Скажу про все, что видел в этой чаще.

10 Не помню сам, как я вошел туда,
Настолько сон меня опутал ложью,
Когда я сбился с верного следа.

13 Но к холмному приблизившись подножью,
Которым замыкался этот дол,
Мне сжавший сердце ужасом и дрожью,

16 Я увидел, едва глаза возвел,
Что свет планеты, всюду путеводной,
Уже на плечи горные сошел.

19 Тогда вздохнула более свободной
И долгий страх превозмогла душа,
Измученная ночью безысходной.

22 И словно тот, кто, тяжело дыша,
На берег выйдя из пучины пенной,
Глядит назад, где волны бьют, страша,

25 Так и мой дух, бегущий и смятенный,
Вспять обернулся, озирая путь,
Всех уводящий к смерти предреченной.

Страшно, кругом дикие звери - аллегории пороков; деться некуда. И тут является призрак, оказавшийся тенью любимого мною древнеримского поэта Вергилия. Прошу его о помощи. Он обещает увести меня отсюда в странствия по загробному миру, с тем чтобы я увидел Ад, Чистилище и Рай. Я готов следовать за ним.

Да, но по силам ли мне такое путешествие? Я оробел и заколебался. Вергилий укорил меня, рассказав, что сама Беатриче (моя по-койная возлюбленная) снизошла к нему из Рая в Ад и просила быть моим проводником в странствиях по загробью:

53 Из сонма тех, кто меж добром и злом,
Я женщиной был призван столь прекрасной,
Что обязался ей служить во всем.

55 Был взор ее звезде подобен ясной;
Ее рассказ струился не спеша,
Как ангельские речи, сладкогласный:

58 О, мантуанца чистая душа,
Чья слава целый мир объемлет кругом
И не исчезнет, вечно в нем дыша,

61 Мой друг, который счастьем не был другом,
В пустыне горной верный путь обрести
Отчаялся и оттеснен испугом.

64 Такую в небе слышала я весть;
Боюсь, не поздно ль я помочь готова,
И бедствия он мог не перенести.

67 Иди к нему и, красотой слова
И всем, чем только можно, пособя,
Спаси его, и я утешусь снова.

70 Я Беатриче, та, кто шлет тебя;
Меня сюда из милого мне края
Свела любовь; я говорю любя.

73 Тебя не раз, хваля и величая,
Пред господом мой голос назовет.

Если так, то нельзя колебаться, нужна решимость. Веди меня, мой учитель и наставник!

Над входом в Ад надпись, отнимающая всякую надежду у входящих
1 я увожу к ОТВЕРЖЕННЫМ СЕЛЕНЬЯМ,
я увожу СКВОЗЬ ВЕКОВЕЧНЫЙ СТОН,
я увожу к ПОГИБШИМ ПОКОЛЕНИЯМ.

4 БЫЛ ПРАВДОЮ МОЙ ЗОДЧИЙ ВДОХНОВЛЕН:
я ВЫШЕЙ СИЛОЙ, ПОЛНОТОЙ ВСЕЗНАНИЯ
и ПЕРВОЮ ЛЮБОВЬЮ СОТВОРЕН.

7 ДРЕВНЕЙ МЕНЯ ЛИШЬ ВЕЧНЫЕ СОЗДАНИЯ,
и С ВЕЧНОСТЬЮ ПРЕБУДУ НАРАВНЕ.
ВХОДЯЩИЕ, ОСТАВЬТЕ УПОВАНИЯ.

10 Я, прочитав над входом, в вышине,
Такие знаки сумрачного цвета,
Сказал: "Учитель, смысл их страшен мне".

13 Он, прозорливый, отвечал на это:
"Здесь нужно, чтоб душа была тверда;
Здесь страх не должен подавать совета.

16 Я обещал, что мы придем туда,
Где ты увидишь, как томятся тени,
Свет разума утратив навсегда".

19 Дав руку мне, чтоб я не знал сомнений,
И обернув ко мне спокойный лик,
Он ввел меня в таинственные сени.
. Мы вошли. Здесь, прямо за входом, стонут жалкие души не
творивших при жизни ни добра ни зла.
"То горестный удел
Тех жалких душ, что прожили, не зная
Ни славы, ни позора смертных дел.

Далее река Ахерон, Через нее свирепый Харон перевозит на лодке
мертвецов. Нам - с ними. 'Но ты же не мертвец!' - гневно кричит мне
Харон. Вергилий умирил его. Поплыли. Издали слышен грохот, дует
ветер, сверкнуло пламя. Я лишился чувств...

Первый круг Ада - Лимб. Тут томятся души некрещеных мла-денцев
и славных язычников - воителей, мудрецов, поэтов (в их числе и
Вергилия). Они не мучаются, а лишь скорбят, что им как не-
христианам нет места в Раю. Мы с Вергилием примкнули к великим
поэтам древности, первый из которых Гомер. Степенно шли и гово-
рили о неземном.

У спуска во второй круг подземного царства демон Минос опре-
деляет, какого грешника в какое место Ада надлежит низвергнуть. На
меня он отреагировал так же, как Харон, и Вергилий так же его
усмирил. Мы увидели уносимые адским вихрем души сладострастни-
ков (Клеопатра, Елена Прекрасная и др.). Среди них Франческа, и
здесь неразлучная со своим любовником. Безмерная взаимная страсть
привела их к трагической гибели.

И я сказал: «Учитель, кто они,
Которых так терзает воздух черный,

Бесчисленные тени !

Он назвал мне и указал рукой, - :
Погубленные жаждой наслаждений.

(ветер приносит две тени, тень Франчески начинает рассказ)

Я родилась над теми берегами,
Где волны, как усталого гонца,
Встречают По с попутными реками. •

Любовь сжигает нежные сердца,
И он пленился телом несравнимым,
Погубленным так страшно в час конца.

103 Любовь, любить велящая любимым,
Меня к нему так властно привлекла,
Что этот плен ты видишь нерушимым.

106 Любовь вдвоем на гибель нас вела;

- В Каине будет наших дней гаситель».
Такая речь из уст у них текла.
- 109 Скорбящих теней сокрушенный зритель,
Я голову в тоске склонил на грудь.
«О чем ты думаешь?» — спросил учитель.
Я начал так: «О, знал ли кто-нибудь,
Какая негa и мечта какая
Их привела на этот горький путь!»
Потом, к умолкшим слово обращая,
Сказал: «Франческа, жалобе твоей
Я со слезами внемлю, сострадая.
Но Расскажи: меж вздохов нежных дней,
Что было вам любовною наукой,
Раскрывшей слуху тайный зов страстей?»
И. мне она: « Тот страждет высшей мукой,
Кто радостные помнит времена
В несчастьи; твой вождь тому порукой.
- 124 Но если знать до первого зерна
Злосчастную любовь ты полон жажды,
Слова и слезы расточу сполна.
В досужий час читали мы однажды
О Ланселоте сладостный рассказ;
Одни мы были, был беспечен каждый.
- 130 Над книгой взоры встретились не раз,
И мы бледнели с тайным содроганьем;
Но дальше повесть победила нас.
Чуть мы прочли о том, как он лобзаньем
Прильнул к улыбке дорогого рта,
Тот, с кем навек я скована терзаньем,
Поцеловал, дрожа, мои уста.
И книга стала нашим Галеотом!
Никто из нас не дочитал листа».
Дух говорил, томимый страшным гнетом,
Другой рыдал, и мука их сердец
Мое чело покрыла смертным потом;
И я упал, как падает мертвец.

В круге третьем свирепствует звероподобный пес Цербер. Залаял было на нас, но Вергилий умирил и его. Здесь валяются в грязи, под тяжелым ливнем, души грешивших обжорством. Среди них мой земляк, флорентиец Чакко. Мы разговорились о судьбах родного города. Чакко попросил меня напомнить о нем живым людям, когда вернусь на землю.

Демон, охраняющий четвертый круг, где казнят расточителей и скупцов (среди последних много духовных лиц - папы, кардиналы), - Плутос. Вергилию тоже пришлось его осадить, чтобы отвязался.

Из четвертого спустились в пятый круг, где мучаются гневные и ленивые, погрязшие в болотах Стигийской низины. Подошли к какой-то башне.

Это целая крепость, вокруг нее обширный водоем, в челне - гребец, демон Флегий. После очередной перебранки сели к нему, плывем. Какой-то грешник попытался уцепиться за борт, я его обругал, а Вергилий отпихнул.

Перед нами адский город Дит. Всякая мертвая нечисть мешает нам в него войти. Вергилий, оставив меня (ох, страшно одному!), пошел узнать, в чем дело, вернулся озабоченный, но обнадеженный.

А тут еще и адские фурии перед нами предстали, угрожая. Выручил внезапно явившийся небесный посланник, обуздавший их злобу. Мы вошли в Дит. Всюду объятые пламенем гробницы, из которых доносятся стоны еретиков. По узкой дороге пробираемся между гробницами.

Из одной гробницы вдруг выросла могучая фигура. Это Фарината, мои предки были его политическими противниками. Во мне, услышав мою беседу с Вергилием, он угадал по говору земляка. Гордец, казалось, он презирает всю бездну Ада, Мы заспорили с ним, а тут из соседней гробницы высунулась еще одна голова: да это же отец моего друга Гвидо! Ему померещилось, что я мертвец и что сын его тоже умер, и он в отчаянии упал ниц. Фарината, успокой его; жив Гвидо!

Близ спуска из шестого круга в седьмой, над могилой паны-еретика Анастасия, Вергилий объяснил мне устройство оставшихся трех кругов Ада, сужающихся книзу (к центру земли), и какие грехи в каком поясе какого круга караются.

Седьмой круг сжат горами и охраняем демоном-полубыком Минотавром, грозно заревевшим на нас. Вергилий прикрикнул на него, и мы поспешили отойти подальше. Увидели кипящий кровью поток, в котором варятся тираны и разбойники, а с берега в них кентавры стреляют из луков. Кентавр Несс стал нашим провожатым, рассказал о казнимых насильниках и помог перейти кипящую реку вброд.

Кругом колючие заросли без зелени. Я сломал какую-то ветку, а из нее заструилась черная кровь, и ствол застонал. Оказывается, эти кусты - души самоубийц (насильников над собственной плотью). Их клюют адские птицы Гарпии, топчут мимо бегущие мертвецы, причиняя им невыносимую боль. Один растоптанный куст попросил меня собрать сломанные сучья и вернуть их ему. Выяснилось, что несчастный - мой земляк.

Я выполнил его просьбу, и мы пошли дальше. Видим - песок, на него сверху слетают хлопья огня, опаляя грешников, которые кричат и стонут - все, кроме одного: тот лежит молча. Кто это? Царь Капаней, гордый и мрачный безбожник, сраженный богами за свою строптивость. Он и сейчас верен себе: либо молчит, либо громогласно клянет богов. "Ты сам себе мучитель!" - перекричал его Вергилий...

А вот навстречу нам, мучимые огнем, движутся души новых грешников. Среди них я с трудом узнал моего высокочтимого учителя Брунетто Латини. Он среди тех, кто повинен в склонности к однопо-лой любви. Мы разговорились. Брунетто предсказал, что в мире живых ждет меня слава, но будут и многие тяготы, перед

которыми нужно устоять. Учитель завещал мне беречь его главное сочинение, в котором он жив, - 'Клад'.

И еще трое грешников (грех - тот же) пляшут в огне. Все флорентийцы, бывшие уважаемые граждане. Я поговорил с ними о злоключениях нашего родного города. Они просили передать живым землякам, что я видел их. Затем Вергилий повел меня к глубокому провалу в восьмой круг. Нас спустит туда адский зверь. Он уже лезет к нам оттуда.

Это пестрый хвостатый Герион. Пока он готовится к спуску, есть еще время посмотреть на последних мучеников седьмого круга - ростовщиков, мающихся в вихре пылающей пыли. С их шей свисают разноцветные кошельки с разными гербами. Разговаривать я с ними не стал. В путь! Усаживаемся с Вергилием верхом на Гериона и - о ужас! - плавно летим в провал, к новым мукам. Спустились. Герион тотчас же улетел.

Восьмой круг разделен на десять рвов, называемых Злопазухами. В первом рву казнятся сводники и соблазнительницы, во втором - льстецы. Сводников зверски бичуют рогатые бесы, льстецы сидят в жидкой массе смрадного кала - вонь нестерпимая. Кстати, одна шлюха наказана здесь не за то, что блудила, а за то, что льстила любовнику, говоря, что ей хорошо с ним.

Следующий ров (третья пазуха) выложен камнем, пестреющим круглыми дырами, из которых торчат горящие ноги высокопоставленных духовных лиц, торговавших церковными должностями. Головы же и туловища их зажаты скважинами каменной стены. Их преемники, когда умрут, будут так же на их месте дрыгать пылающими ногами, полностью втеснив в камень своих предшественников. Так объяснил мне папа Орсини, поначалу приняв меня за своего преемника.

В четвертой пазухе мучаются прорицатели, звездочеты, колдуны. У них скручены шеи так, что, рыдая, они орошают себе слезами не грудь, а зад. Я и сам зарыдал, увидев такое издевательство над людьми, а Вергилий пристыдил меня; грех жалеть грешников! Но и он с сочувствием рассказал мне о своей землячке, прорицательнице Манто, именем которой была названа Мантуя - родина моего славного наставника.

Пятый ров залит кипящей смолой, в которую черти Злохваты, черные, крылатые, бросают взяточников «кто вместо нет за деньги скажут да»

и следят, чтобы те не высоко-вывались, а не то подденут грешника крючьями и вливают ему в рот расплавленное золото. У чертей клички: Злохвост, Косокрылый и пр. Часть дальнейшего пути нам придется пройти в их жуткой компании. Они кривляются, показывают языки. Мы идем с ними вдоль канавы, грешники ныряют

в смолу - прячутся, а один замешкался, и его тут же вытащили крючьями, собираясь тер-зать, но позволили прежде нам побеседовать с ним. Бедняга хитрос-тью усыпил бдительность Злохватов и нырнул обратно - поймать его не успели. Раздраженные черти подрались между собой, двое свали-лись в смолу.

В суматохе мы поспешили удалиться, но не тут-то было! Они летят за нами. Вергилий, подхватив меня, еле-еле успел перебе-жать в шестую пазуху, где они не хозяева. Здесь лицемеры изнывают под тяжестью свинцовых позолоченных одежд. А вот распятый (прибитый к земле колами) иудейский первосвященник, настаивавший на казни Христа. Его топчут ногами отяжеленные свинцом лицемеры.

Труден был переход: скалистым путем - в седьмую пазуху. Тут обитают воров, кусаемые чудовищными ядовитыми змеями. От этих укусов они рассыпаются в прах, но тут же восстанавливаются в своем обличье. Среди них Ванни Фуччи, обокравший ризницу и сваливший вину на другого. Человек грубый и богохульствующий: Бога послал 'на фиг', воздев кверху два кукиша. Тут же на него набросились змеи (люблю их за это). Потом я наблюдал, как некий змей сливал-ся воедино с одним из воров, после чего принял его облик и встал на ноги, а вор уполз, став пресмыкающимся гадом. Чудеса! Таких метаморфоз не отыщете и у Овидия,

Ликуй, Флоренция: эти воров - твоё отродье! стыдно... А в восьмом рву обитают коварные советчики. Среди них УЛИСС (Одиссей), его душа заточена в пламя, способное говорить! Так, мы услышали рассказ Улисса о его гибели: жаждущий познать неведомое, он уплыл с горсткой смельчаков на другой конец света, потерпел кораблекрушение и вместе с друзьями утонул вдали от обитаемого людьми мира,

Другой говорящий пламень, в котором скрыта душа не назвавшего себя по имени лукавого советчика, рассказал мне о своём грехе:

этот советчик помог римскому папе в одном несправедном деле - рассчитывая на то, что папа отпустит ему его преступление. К простодушному грешнику небеса терпимее, чем к тем, кто надеется спастись покаянием. Мы перешли в девятый ров, где казнят сеятелей смуты.

Вот они, зачинщики кровавых раздоров и религиозных смут. Дьявол увечит их тяжелым мечом, отсекает носы и уши, дробит черепа. Тут и Магомет, и побуждавший Цезаря к гражданской войне Курион, и обезглавленный воин-трубадур Бертран де Борн (голову в руке несет, как фонарь, а та восклицает: 'Горе!').

Далее я встретил моего родича, сердитого на меня за то, что его насильственная смерть осталась неотомщенной. Затем мы перешли в десятый ров, где алхимики маятся вечным зудом. Один из них был сожжен за то, что шутя хвастался, будто умеет летать, - стал жертвой доноса. В Ад же попал не за это, а как алхимик. Здесь же казнятся те, кто выдавал себя за других людей, фальшивомонетки и

вообще лгуны. Двое из них подрались между собой и потом долго бранились (мастер Адам, подмешивавший медь в золотые монеты, и древний грек Синон, обманувший троянцев). Вергилий упрекнул меня за любопытство, с которым я слушал их.

Наше путешествие по Злопазухам заканчивается. Мы подошли к колодцу, ведущему из восьмого круга Ада в девятый. Там стоят древние гиганты, титаны. В их числе Немврод, злобно крикнувший нам что-то на непонятном языке, и Антей, который по просьбе Вергилия спустил на своей огромной ладони нас на дно колодца, а сам тут же распрямился.

Девятый круг. Итак, мы на дне вселенной, близ центра земного шара. Перед нами ледяное озеро, - пояс Каина в него вмерзли предатели и убийцы своих родственников *«вмерзли в озеро по шее»* (Данте и Вергилий идут по головам, как по кочкам).

Одного я случайно задел ногою по голове, тот заорал, а себя назвать отказался. Тогда я вцепился ему в волосы, а тут кто-то окликнул его по имени. Негодяй, теперь я знаю, кто ты, и расскажу о тебе людям! А он: 'Ври, что хочешь, про меня и про других!'

Далее - пояс Атеноррра – предатели родины и единомышленников, А вот ледяная яма - пояс Толомея – предавшие тех, кто им доверился –«вмерзли в лед их спины». В яме один мертвец грызет череп другому. Спрашиваю: за что? Оторвавшись от своей жертвы, он ответил мне. Он, граф Уголино, мстит предавшему его бывшему единомышленнику, архиепископу Руджьери, который уморил его и его детей голодом, заточив их в Пизанскую башню. Нестерпимы были их страдания, дети умирали на глазах отца, он умер последним. Позор Пизе! Идем далее. А это кто перед нами? Альбериго? Но он же, насколько я знаю, не умирал, так как же оказался в Аду? Бывает и такое: тело злодея еще живет, а душа уже в преисподней.

Последний - пояс Иуды – предавшие своих благодетелей вмерзли в лед полностью - *«тени грешных в озере застыли, как пузырьки в стекле»*

В центре земли вмерзший в лед властитель Ада Люцифер, низверженный с небес и продолбивший в падении бездну преисподней, обезображенный, трехликий. Из первой его пасти торчит Иуда, из второй Брут, из третьей Кассий, Он жует их и терзает когтями. Хуже всех приходится самому гнусному предателю - Иуде.

От Люцифера тянется скважина, ведущая к поверхности противоположного земно-го полушария. Мы протиснулись в нее, поднялись на поверхность и увидели звезды.

ЧИСТИЛИЩЕ

Да помогут мне Музы воспеть второе царство! Его страж старец Катон встретил нас не приветливо: кто такие? как смели явиться сюда? Вергилий объяснил и, желая умиловить Катона, тепло отозвался о его жене Марции. При чем здесь Марция? Пройдите к берегу моря, умыться надо! Мы пошли. Вот она, морская даль. А в прибрежных травах - обильная роса. Ею Вергилий смыл с моего лица копоть покинутого Ада.

Из морской дали к нам плывет управляемый ангелом челн. В нем души усопших, которым посчастливилось не попасть в Ад. Причалили, сошли на берег, и ангел уплыл. Тени прибывших столпились вокруг нас, и в одной я узнал своего друга, певца Козеллу. Хотел обнять его, но ведь тень бесплотна - обнял самого себя. Козелла по моей про-сьбе запел про любовь, все заслушались, но тут появился Катон, на всех накричал (не делом занялись!), и мы заспешили к горе Чистилища.

Вергилий был недоволен собою: дал повод накричать на себя... Теперь нам нужно разведать предстоящую дорогу. Посмотрим, куда двинутся прибывшие тени. А они сами только что заметили, что я-то не тень: не пропускаю сквозь себя свет. Удивились. Вергилий все им объяснил. 'Идите с нами', - пригласили они.

Итак, спешим к подножию чистилищной горы. Но все ли спешат, всем ли так уж не терпится? Вон близ большого камня расположилась группа не очень торопящихся к восхождению наверх: мол, успеется; лезь тот, кому нейдется. Среди этих ленивцев я узнал своего приятеля Белакву. Приятно видеть, что он, и при жизни враг всякой спешки, верен себе.

В предгорьях Чистилища мне довелось общаться с тенями жертв насильственной смерти. Многие из них были изрядными грешниками, но, прощаясь с жизнью, успели искренне покаяться и потому не попали в Ад. То-то досада для дьявола, лишившегося добычи! Он, впрочем, нашел как отыграться: не обрета власти над душою раскаяв-шегося погибшего грешника, надругался над его убитым телом.

Неподалеку от всего этого мы увидели царственно-величественную тень Сорделло. Он и Вергилий, узнав друг в друге поэтов-земляков (мантуанцев), братски обнялись. Вот пример тебе, Италия, грязный бордель, где напрочь порваны узы братства! Особенно ты, моя Флоренция, хороша, ничего не скажешь... Очнись, посмотри на себя...

Сорделло согласен быть нашим проводником к Чистилищу. Это для него большая честь - помочь высокочтимому Вергилию. Степенно беседуя, мы подошли к цветущей ароматной долине, где, готовясь к ночлегу, расположились тени высокопоставленных особ - европейских государей. Мы издали наблюдали за ними, слушая их согласное пение.

Настал вечерний час, когда желанья влекут отплывших обратно, к любимым, и вспоминаешь горький миг прощанья; когда владеет печаль пилигримом и слышит он, как перезвон далекий плачет навзрыд о дне невозвратимом... В долину отдыха земных властителей заползло было коварный змей соблазна, но прилетевшие ангелы изгнали его.

Я прилег на траву, заснул и во сне был перенесен к вратам Чистилища. Охранявший их ангел семь раз начертал на моем лбу одну и ту же букву - первую в слове 'грех' (семь смертных грехов; эти буквы будут поочередно стерты с моего лба по мере восхождения на чистилищную гору). Мы вошли во второе царство загробья, ворота закрылись за нами.

Началось восхождение. Мы в первом круге Чистилища, где искупают свой грех гордецы. В посрамление гордыни здесь воздвигнуты изваяния, воплощающие идею высокого подвига - смирения. А вот и тени очищающихся гордецов: при жизни нескгибаемые, здесь они в наказание за свой грех гнутся под тяжестью наваленных на них каменных глыб.

'Отче наш...' - эту молитву пели согбенные гордецы. Среди них - художник-миниатюрист Одериз, при жизни кичившийся своей громкой славой. Теперь, говорит, осознал, что кичиться нечем: все равны перед лицом смерти - и ветхий старец, и пролепетавший 'ням-ням' младенец, а слава приходит и уходит. Чем раньше это поймешь и найдешь в себе силы обуздать свою гордыню, смириться, - тем лучше.

Под ногами у нас барельефы с запечатленными сюжетами наказанной гордыни: низверженные с небес Люцифер и Бриарей, царь Саул, Олоферн и другие. Заканчивается наше пребывание в первом круге. Явившийся ангел стер с моего лба одну из семи букв - в знак того, что грех гордыни мною преодолен. Вергилий улыбнулся мне,

Поднялись во второй круг. Здесь завистники, они временно ослеплены, их бывшие 'завидушими' глаза ничего не видят. Вот женщина, из зависти желавшая зла своим землякам и радовавшаяся их неудачам... В этом круге я после смерти буду очищаться недолго, ибо редко и мало кому завидовал. Зато в пройденном круге гордецов - наверное, долго.

Вот они, ослепленные грешники, чью кровь когда-то сжигала зависть. В тишине громоподобно прозвучали слова первого завистника - Каина: 'Меня убьет тот, кто встретит!' В страхе я приник к Вергилию, и мудрый вождь сказал мне горькие слова о том, что выс-

ший вечный свет недоступен завистникам, увлеченным земными при-манками.

Миновали второй круг. Снова нам явился ангел, и вот на моем лбу остались лишь пять букв, от которых предстоит избавиться в дальнейшем.

Мы в третьем круге. Перед нашими взорами пронеслось жестокое видение человеческой ярости (толпа забила камнями кроткого юношу). В этом круге очищаются одержимые гневом.

Даже в потемках Ада не было такой черной мглы, как в этом круге, где смирятся ярость гневных. Один из них, ломбардец Марко, разговорился со мной и высказал мысль о том, что нельзя все происходящее на свете понимать как следствие деятельности высших небесных сил: это значило бы отрицать свободу человеческой воли и снимать с человека ответственность за содеянное им.

Читатель, тебе случалось бродить в горах туманным вечером, когда и солнца почти не видно? Вот так и мы... Я почувствовал прикосновение ангельского крыла к моему лбу - стерта еще одна буква.

Мы поднялись в круг четвертый, освещаемые последним лучом заката. Здесь очищаются ленивые, чья любовь к благу была медлительной.

Ленивцы здесь должны стремительно бегать, не допуская никакого потворства своему прижизненному греху. Пусть вдохновляются примерами пресвятой девы Марии, которой приходилось, как известно, спешить, или Цезаря с его поразительной расторопностью. Пробежали мимо нас, скрылись. Спать хочется. Сплю и вижу сон...

Приснилась омерзительная баба, на моих глазах превратившаяся в красавицу, которая тут же была посрамлена и превращена в еще худшую уродину (вот она, мнимая привлекательность порока!). Исчезла еще одна буква с моего лба: я, значит, победил такой порок, как лень.

Поднимаемся в круг пятый - к скупцам и расточителям.

Скупость, алчность, жадность к золоту - отвратительные пороки. Расплавленное золото когда-то влили в глотку одному одержимому жадностью: пей на здоровье! Мне неуютно в окружении скупцов, а тут еще случилось землетрясение. Отчего? По своему невежеству не знаю...

Оказалось, трясение горы вызвано ликованием по поводу того, что одна из душ очистилась и готова к восхождению: это римский поэт Стаций, поклонник Вергилия, обрадовавшийся тому, что отныне будет сопровождать нас в пути к чистилищной вершине.

С моего лба стерта еще одна буква, обозначающая грех скупости. Кстати, разве Стаций, томившийся в пятом круге, был скуп? Напротив, расточителен, но эти две крайности караются совокупно.

Теперь мы в круге шестом, где очищаются чревоугодники. Здесь нехудо бы помнить о том, что христианским подвижникам не было свойственно обжорство.

Бывшим чревоугодникам суждены муки голода: отощали, кожа да кости. Среди них я обнаружил своего покойного друга и земляка Форезе. Поговорили о своем, поругали Флоренцию, Форезе осуждающе отозвался о распутных дамах этого города. Я рассказал приятелю о Вергилии и о своих надеждах увидеть в загробном мире любимую мою Беатриче.

С одним из чревоугодников, бывшим поэтом старой школы, у меня произошел разговор о литературе. Он признал, что мои единомышленники, сторонники 'нового сладостного стиля', достигли в любовной поэзии гораздо большего, нежели сам он и близкие к нему мастера. Между тем стерта предпоследняя литера с моего лба, и мне открыт путь в высший, седьмой круг Чистилища.

А я все вспоминаю худых, голодных чревоугодников: как это они так отощали? Ведь это тени, а не тела, им и голодать-то не пристало бы. Вергилии пояснил: тени, хоть и бесплотны, точь-в-точь повторяют очертания подразумеваемых тел (которые исхудали бы без пищи).

Здесь же, в седьмом круге, очищаются палимые огнем сладострастники. Они горят, поют и восславляют примеры воздержания и цело-мудрия.

Охваченные пламенем сладострастники разделились на две группы: предававшиеся однополю любви и не знавшие меры в двуполых соитиях. Среди последних - поэты Гвидо Гвиницелли и провансалец Арнальд, изысканно приветствовавший нас на своем наречии.

А теперь нам самим надо пройти сквозь стену огня. Я испугался, но мой наставник сказал, что это путь к Беатриче (к Земному Раю, расположенному на вершине чистилищной горы). И вот мы втроем (Стаций с нами) идем, палимые пламенем. Прошли, идем дальше, вечереет, остановились на отдых, я поспал; а когда проснулся, Вергилии обратился ко мне с последним словом напутствия и одобрения, Все, отныне он замолчит...

Мы в Земном Раю, в цветущей, оглашаемой щебетом птиц роще. Я увидел прекрасную донну, поющую и собирающую цветы. Она сказала, что здесь был золотой век, блюлась невинность, но потом, среди этих цветов и плодов, было погублено в грехе счастье первых людей. Услышав такое, я посмотрел на Вергилия и Стация: оба блаженно улыбались.

О Ева! Тут было так хорошо, ты ж все погубила своим дерзаньем! Мимо нас плывут живые огни, под ними шествуют праведные старцы в белоснежных одеждах, увенчанные розами и лилиями, танцуют чудесные красавицы. Я не мог наглядеться на эту изумительную картину. И вдруг я увидел ее - ту, которую люблю. Потрясенный, я

сделал невольное движение, как бы стремясь прижаться к Вергилию. Но он исчез, мой отец и спаситель! Я зарыдал.

'Данте, Вергилий не вернется. Но плакать тебе придется не по нему. Вглядишься в меня, это я, Беатриче! А ты как попал сюда?' - гневно спросила она. Тут некий голос спросил ее, почему она так строга ко мне. Ответила, что я, прельщенный приманкой наслаждений, был неверен ей после ее смерти. Признаю ли я свою вину? О да, меня душат слезы стыда и раскаяния, я опустил голову. 'Подними бороду!' - резко сказала она, не веля отводить от нее глаза. Я лишился чувств, а очнулся погруженным в Лету - реку, дарующую забвение совершенных грехов. Беатриче, взгляни же теперь на того, кто так предан тебе и так стремился к тебе. После десятилетней разлуки я глядел ей в очи, и зрение мое на время померкло от их ослепительного блеска. Прозрев, я увидел много прекрасного в Земном Раю, но вдруг на смену всему этому пришли жестокие видения: чудовища, поругание святыни, распутство.

Беатриче глубоко скорбела, понимая, сколько дурного кроется в этих явленных нам видениях, но выразила уверенность в том, что силы добра в конечном счете победят зло. Мы подошли к реке Эвное, попив из которой укрепляешь память о совершенном тобою добре. Я и Стаций омылись в этой реке. Глоток ее сладчайшей воды влил в меня новые силы. Теперь я чист и достоин подняться на звезды.

РАЙ

Из Земного Рая мы с Беатриче вдвоем полетим в Небесный, в недоступные уразумению смертных высоты. Я и не заметил, как взлетели, воззрившись на солнце. Неужели я, оставаясь живым, способен на это? Впрочем, Беатриче этому не удивилась: очистившийся человек духовен, а не отягощенный грехами дух легче эфира.

Друзья, давайте здесь расстанемся - не читайте дальше: пропадете в бескрайности непостижимого! Но если вы неутолимо алчете духовной пищи - тогда вперед, за мной!

Мы в первом небе Рая - в небе Луны, которую Беатриче назвала первой звездой; погрузились в ее недра, хотя и трудно представить себе силу, способную вместить одно замкнутое тело (каковым я являюсь) в другое замкнутое тело (в Луну). В недрах Луны нам встретились души монахинь, похищенных из монастырей и насильно выданных замуж. Не по своей вине, но они не сдержали данного при пострижении обета девственности, и поэтому им недоступны более высокие небеса. Жалуют ли об этом? О нет! Жалеть значило бы не соглашаться с высшей праведной волей.

А все-таки недоумеваю: чем же они виноваты, покорясь насилию? Почему им не подняться выше сферы Луны? Винить надо не жертву, а насильника! Но Беатриче пояснила, что и жертва несет известную

ответственность за учиненное над нею насилие, если, сопротивляясь, не проявила героической стойкости.

Неисполнение обета, утверждает Беатриче, практически невозместимо добрыми делами (слишком уж много надо их сделать, искупая вину).

Мы полетели на второе небо Рая - к Меркурию. Здесь обитают души честолюбивых праведников. Это уже не тени в отличие от предшествующих обитателей загробного мира, а светлы: сияют и лучатся. Один из них вспыхнул особенно ярко, радуясь общению со мною. Оказалось, это римский император, законодатель Юстиниан. Он сознает, что пребывание в сфере Меркурия (и не выше) - предел для него, ибо честолюбцы, делая добрые дела ради собственной славы (то есть любя прежде всего себя), упускали луч истинной любви к божеству.

Свет Юстиниана слился с хороводом огней - других праведных душ, Я задумался, и ход моих мыслей привел меня к вопросу: зачем Богу-Отцу было жертвовать сыном? Можно же было просто так, верховною волей, простить людям грех Адама! Беатриче пояснила: высшая справедливость требовала, чтобы человечество само искупило свою вину. Оно на это неспособно, и пришлось оплодотворить земную женщину, чтобы сын (Христос), совместив в себе человеческое с божеским, смог это сделать.

Мы перелетели на третье небо - к Венере, где блаженствуют души любвеобильных, сияющие в огненных недрах этой звезды. Один из этих духов-светов - венгерский король Карл Мартелл, который, заговорив со мной, высказал мысль, что человек может реализовать свои способности, лишь действуя на поприще, отвечающем потребностям его натуры: плохо, если прирожденный воин станет священником...Сладостно сияние других любвеобильных душ. Сколько здесь блаженного света, небесного смеха! А внизу (в Аду) безотрадно и угрюмо густели тени... Один из светов заговорил со мной (трубадур Фолько) - осудил церковные власти, своекорыстных пап и кардиналов. Флоренция - город дьявола. Но ничего, верит он, скоро станет лучше.

Четвертая звезда - Солнце, обиталище мудрецов. Вот сияет дух великого богослова Фомы Аквинского. Он радостно приветствовал меня, показал мне других мудрецов. Их согласное пение напомнило мне церковный благовест.

Фома рассказал мне о Франциске Ассизском - втором (после Христа) супруге Нищеты. Это по его примеру монахи, в том числе его ближайшие ученики, стали ходить босыми. Он прожил святую жизнь и умер - голый человек на голой земле - в лоне Нищеты.

Не только я, но и светы - духи мудрецов - слушали речь Фомы, прекратив петь и кружиться в танце. Затем слово взял францисканец Бонавентура. В ответ на хвалу своему учителю, возданную доминиканцем Фомой, он восславил учителя Фомы - Доминика, земледельца и слугу Христова. Кто теперь продолжил его дело? Достойных нет.

И опять слово взял Фома. Он рассуждает о великих достоинствах царя Соломона: тот попросил себе у Бога ума, мудрости - не для решения богословских вопросов, а чтобы разумно править народом, то есть царской мудрости, каковая и была ему дарована. Люди, не судите друг о друге поспешно! Этот занят добрым делом, тот - злым, но вдруг первый падет, а второй восстанет?

Что будет с обитателями Солнца в судный день, когда духи обретут плоть? Они настолько яркие и духовны, что трудно представить их материализованными. Закончено наше пребывание здесь, мы прилетели к пятому небу - на Марс, где сверкающие духи воителей за веру расположились в форме креста и звучит сладостный гимн.

Один из светочей, образующих этот дивный крест, не выходя за его пределы, подвигся книзу, ближе ко мне. Это дух моего доблестного прапрадеда, воина Каччагвиды. Приветствовал меня и восхвалил то славное время, в которое он жил на земле и которое - увы! - миновало, сменившись худшим временем.

Я горжусь своим предком, своим происхождением (оказывается, не только на суетной земле можно испытывать такое чувство, но и в Раю!). Каччагвида рассказал мне о себе и о своих предках, родившихся во Флоренции, чей герб - белая лилия - ныне окрашен кровью.

Я хочу узнать у него, ясновидца, о своей дальнейшей судьбе. Что меня ждет впереди? Он ответил, что я буду изгнан из Флоренции, в безотрадных скитаниях познаю горечь чужого хлеба и крутизну чужих лестниц. К моей чести, я не буду якшаться с нечистыми политическими группировками, но сам себе стану партией. В конце же концов противники мои будут посрамлены, а меня ждет триумф. Каччагвида и Беатриче ободрили меня. Закончено пребывание на Марсе.

Теперь - с пятого неба на шестое, с красного Марса на белый Юпитер, где витают души справедливых. Их светы складываются в буквы, в буквы - сначала в призыв к справедливости, а затем в фигуру орла, символ правосудной имперской власти, неведомой, грешной, исстрадавшейся земле, но утвержденной на небесах.

Этот величественный орел вступил со мной в разговор. Он называет себя 'я', а мне слышится 'мы' (справедливая власть коллегиальна!). Ему понятно то, что сам я никак не могу понять: почему Рай открыт только для христиан? Чем же плох добродетельный индус, вовсе не знающий Христа? Так и не пойму. А

и то правда, - при-знает орел, - что дурной христианин хуже славного перса или эфио-па,

Орел олицетворяет идею справедливости, и у него не когти и не клюв главное, а всезрящее око, составленное из самых достойных светов-духов. Зрачок - душа царя и псалмопевца Давида, в ресницах сияют души дохристианских праведников (а ведь я только что оплошно рассуждал о Рае 'только для христиан'? Вот так-то давать волю сомнениям!).

Мы вознеслись к седьмому небу - на Сатурн. Это обитель созерцателей. Беатриче стала еще красивее и ярче. Она не улыбалась мне - иначе бы вообще испепелила меня и ослепила. Блаженные духи созерцателей безмолвствовали, не пели - иначе бы оглушили меня. Об этом мне сказал священный светоч - богослов Пьетро Дамьяно.

Дух Бенедикта, по имени которого назван один из монашеских орденов, гневно осудил современных своекорыстных монахов. Выслушав его, мы устремились к восьмому небу, к созвездию Близнецов, под которым я родился, впервые увидел солнце и вдохнул воздух Тос-каны. С его высоты я взглянул вниз, и взор мой, пройдя сквозь семь посещенных нами райских сфер, упал на смехотворно маленький земной шарик, эту горстку праха со всеми ее реками и горными кру-чами.

В восьмом небе пылают тысячи огней - это торжествующие духи великих праведников. Упоенное ими, зрение мое усилилось, и теперь даже улыбка Беатриче не ослепит меня. Она дивно улыбнулась мне и вновь побудила меня обратить взоры к светозарным духам, запевшим гимн царице небес - святой деве Марии.

Беатриче попросила апостолов побеседовать со мной. Насколько я проник в таинства священных истин? Апостол Петр спросил меня о сущности веры. Мой ответ: вера - довод в пользу незримого; смертные не могут своими глазами увидеть то, что открывается здесь, в Раю, - но да уверуют они в чудо, не имея наглядных доказательств его истинности. Петр остался доволен моим ответом.

Увижу ли я, автор священной поэмы, родину? Увенчаюсь ли лаврами там, где меня крестили? Апостол Иаков задал мне вопрос о сущности надежды. Мой ответ: надежда - ожидание будущей заслуженной и дарованной Богом славы. Обрадованный Иаков озарился.

На очереди вопрос о любви. Его мне задал апостол Иоанн. Отвечая, я не забыл сказать и о том, что любовь обращает нас к Богу, к слову правды. Все возликовали. Экзамен (что такое Вера, Надежда, Любовь?) успешно завершился. Я увидел лучшую душу праотца нашего Адама, недолго жившего в Земном Раю, изгнанного оттуда на землю; после смерти долго томившегося в Лимбе; затем перемещенного сюда.

Четыре света пылают передо мной: три апостола и Адам. Вдруг Петр побагровел и воскликнул: 'Земной захвачен трон мой, трон мой, трон мой!' Петру ненавистен его преемник - римский папа. А нам пора уже расставаться с восьмым небом и возноситься в девятое, верховное и кристальное. С неземной радостью, смеясь, Беатриче метнула меня в стремительно вращающуюся сферу и вознеслась сама.

Первое, что я увидел в сфере девятого неба, - это ослепительная точка, символ божества. Вокруг нее вращаются огни - девять концентрических ангельских кругов. Ближайшие к божеству и потому меньшие - серафимы и херувимы, наиболее отдаленные и обширные - архангелы и просто ангелы. На земле привыкли думать, что великое больше малого, но здесь, как видно, все наоборот.

Ангелы, рассказала мне Беатриче, ровесники мироздания. Их стремительное вращение - источник всего того движения, которое совершается во Вселенной. Поторопившиеся отпасть от их сонма были низвержены в Ад, а оставшиеся до сих пор упоенно кружатся в Раю, и не нужно им мыслить, хотеть, помнить: они вполне удовлетворены!

Вознесение в Эмпирей - высшую область Вселенной - послед-нее. Я опять воззрелся на ту, чья возрастающая в Раю красота поднимала меня от высей к высям. Нас окружает чистый свет. Повсюду искры и цветы - это ангелы и блаженные души. Они сливаются в некую сияющую реку, а потом обретают форму огромной райской розы.

Созерцая розу и постигая общий план Рая, я о чем-то хотел спросить Беатриче, но увидел не ее, а ясноокого старца в белом. Он указал вверх. Гляжу - в недостижимой высоте светится она, и я воззвал к ней: 'О донна, оставившая след в Аду, даруя мне помощь! Во всем, что вижу, сознаю твое благо. За тобой я шел от рабства к свободе. Храни меня и впредь, чтобы дух мой достойным тебя осво-бодился от плоти!' Взглянула на меня с улыбкой и повернулась к веч-ной святыне. Всё.

Старец в белом - святой Бернард. Отныне он мой наставник. Мы продолжаем с ним созерцать розу Эмпирея. В ней сияют и души непорочных младенцев. Это понятно, но почему и в Аду были кое-где души младенцев - не могут же они быть порочными в отличие от этих? Богу виднее, какие потенции - добрые или дурные - в какой младенческой душе заложены. Так пояснил Бернард и начал молиться.

Бернард молился деве Марии за меня - чтобы помогла мне. Потом дал мне знак, чтобы я посмотрел вверх. Всмотревшись, вижу верховный и ярчайший свет. При этом не ослеп, но обрел высшую

истину. Созерцаю божество в его светозарном триединстве. И влечет
меня к нему Любовь, что движет и солнце и звезды.

А. А. Илюшин

